

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от

14 ИЮЛ 1945

Москва

Газета №

Леонид ЛЕОНОВ

Горький сегодня

Мы проходим через девятую годовщину смерти Алексея Максимовича Горького. Это большой срок, достаточный, чтобы зажила любая рана. За такой срок много успевает поработать забвение. И все же до сегодня с прежней отчетливостью, лишь как бы сквозь вечернюю дымку, видим мы его милое простонародное лицо, его богатырскую фигуру, его усы, как бы смятые встречным ветром, и слышим своеобразную горьковскую речь. Мы еще не привыкли к отсутствию этого человека в нашей среде, и вряд ли мы, имевшие счастье быть его современниками, когда-нибудь привыкнем. Место его не занято никем, ни у кого не хватает голоса говорить с его высокой трибуны. Неповторима судьба этого писателя, который больше четверти века, может быть, как никто из его великих предшественников, бессменно стоял на самом грёбе большой литературы русской, а следовательно и русской общественной мысли, притом в наиболее бурную пору ее развития, подготовительную к великому перелому. Больше того, этот человек, возглавляя лучшие литературные чаяния и свершения своего века, как никто, имел право говорить от имени совести народной.

В последующие годы его суждением дорожили не только люди искусства, но и наши изобретатели, ученые и врачи... Да и вся молодежь, из которой в годы Отечественной войны выросла стая непобедимых героев, вспоминает эту невосполнимую утрату. В равной степени слово Горького обладало магической силой влияния и на зарубежных читателей: много друзей из-за границы пришло к нам именно через гуманизм Горького... Однако ни в какой иной области нашей жизни не чувствуется эта потеря так, как в литературе и театре.

Замечательно, что нашу утрату также остро ощущают далекие от дела советского искусства мастера советской науки и хозяйства. Горького хватало на все, он владел бесцельным временем гения, его наследство громадно. Этот учитель до конца гордился своим званием ученика. Свою природную жажду к познанию он утолял из всех источников человеческой деятельности, и — следует прибавить — всякое его прикосновение всегда обогащало и самый этот источник. Тот, кто посидел с ним хоть раз за дружеской беседой, уходил от него богаче и смелее, чем был раньше, потому что уносил с собой частицу горьковской одержимости, его умной и проникновенной веры в труд, добро и знание; в русской литературе не было до него деятеля, который в такой степени возвысил бы значение этих трех основных колонн, поддерживающих могучие своды завтрашнего человеческого общества.

Алексей Максимович имел редкий дар, доступный лишь воистину великим, — умножать сортовые качества зерна, которое он хоть недолго подержал в ладони. И это свойство его наиболее благотворительно сказало на молодой советской литературе. Без преувеличения можно сказать, что все мы, нынешняя литературская генерация, выпорхнули на свет из широкого горьковского рукава. Это не означает, что все принадлежит к школе горьковского стиля. Он сам говорил мне, что мы не монахи — петь в унисон молитвенные гимны... Все инструменты, все голоса нужны в большом едином оркестре, призванном прославлять и симфонически рассказать потомкам об очистиительной русской грозе, в которой сам Горький был буревестником.

Мы, драматурги и литераторы, как он любил называть свою профессию, благодарны Горькому за то, что он сизмалства внушил нам понятие высочайшей ответст-

Вчера закончилась трехдневная научно-творческая сессия «Горький сегодня», проведенная Кабинетом советской драматургии Всесоюзного театрального общества в связи с 9-ю годовщиной со дня смерти А. М. Горького.

После вступительного слова Л. Леонова с докладом «Горький и национальные традиции русской классической литературы» выступил В. Десницкий. На дальнейших заседаниях были заслушаны доклады И. Груздева — «Драматургия Горького и современность», Г. Штайна — «Горький на сцене русских периферийных театров», М. Григорьева — «Вопросы социалистического реализма в эстетике Горького», М. Морозова — «Творчество Горького и антифашистская борьба демократической интеллигенции Англии и Америки», С. Дурылина — «Актер Горького». С сообщениями выступили: С. Бирман — «Значение Горького для актера» и П. Гайдебуров — «Моя работа над пьесой «Старик»».

Ниже мы печатаем стенограмму вступительного слова Л. Леонова на сессии.

венности перед эпохой, народом и своим ремеслом. В его глазах, в памятном нам его лице капитана дальних плаваний, который глядит за горизонты века, до конца дней отражались снеговые хребты и счастливые долины человеческой мечты, он исходил ее во всех направлениях. И мы с благодарностью вспоминаем, что тогда и в нас зародилось стремление побывать там же.

Мы благодарны ему также и за отеческое слово одобрения, которое он умел вовремя подшепнуть каждому из нас и которое вливалось добавочную силу в наш молодой творческий напор. Какая радость была нам постоянно чувствовать на себе его заботливый и строгий взгляд, каким легким и плодотворным становилось тогда перо в руке писателя. Все вы помните, сколько в те годы появлялось новых произведений во всех жанрах нашей литературы. Во исполнение своего знаменитого поучения — «говори ему почаще, что он хороший, он и будет хорошим», Максим Горький брал на себя опасный для большой репутации риск похвалы, которая порою действеннее и, так сказать, воспитательнее в искусстве, чем самая заслуженная и справедливая брань. Будучи хозяином в саду советской литературы, он каждую былинку знал во всех ее качествах и каждой помог своим огромным авторитетом.

В нашей критике никто, как он, не любил так все молодое, передовое и русское.

Прекрасное человеческое тепло излучалось из этого светлейшего представителя новой человеческой породы. Когда говорят о Горьком, думают о его страстной преданности людям. Но это не была тихая, поровну на всех христианская любовь ко всем людям без изъятия, это была воинствующая любовь прежде всего к добру, без которого невозможна жизнь на земле, — ленинская любовь, которая назначена преобразовать планету, которая имеет свое жилище в сердцах тружеников, которая неузнаваемо облагораживает наши поля и книги и которой, в конце концов, были начинены снаряды в победоносной минувшей войне. Это и есть то самое вещество, из которого по крупнице выплавляется новая правда, самое дорогое из национальных сокровищ, а она в свою очередь служила только сырьем для достигнутой нами победы. Всю свою жизнь Горький был на службе у правды и, надо сказать, в отпуск ни разу не просился и не демобилизовался до последней минуты. Эту правду он защищал так, точно она была его собственным телом. Он требовал от всех быть участником грандиозной, начавшейся и уже неостановимой битвы за планету: Он не терпел равнодушных, и рав-

нодушные не любили его. У человечества было к нему вполне четкое отношение, как ко всякому гению размаха: либо боялись, т. е. почтительно ненавидели, либо любили глубокой любовью, сказавшейся хотя бы в высоком доверии к нему нашего народа. Словом, это был настоящий воин.

Каждая книга или пьеса его была сражением за какой-нибудь догмат нашего гуманизма, и почти каждое он выигрывал. Как всякая победа, это показывает не только доблесть солдата, но и качество его оружия. В современной духовной войне от этого оружия требуются непревзойденные технологические качества. Умирая, старый мир подымает против нас все свои хоругви; он готов зарядить свои пушки древним камнем своих святых, базилик и музеев, лишь бы они умерщвляли. Незабываемые имена мастеров культуры, которых этот старый мир сам же изгонял или отлучал от церкви, убивал голодом или жег на кострах, теперь он насильно мобилизует против побеждающей новизны, и не Горький ли начал понемногу возвращать их в наш лагерь, где им надлежит быть. Потому, что гений есть неуязвимая молодость, никогда не устающая сражаться за людское благо...

Здесь и следует подчеркнуть, хоть и не нуждается Горький в наших оценках, могучий и безупречный его художественный дар. Диалог его пьес, написанных почти столетие назад, — так много протекло событий! — предельно выразителен и жив до сегодня и если порой перенасыщен мыслью, то оттого лишь, что именно этих качеств требовала от него его боевая эпоха: его описание всегда точно и глубоко, словно стальным штихелем вырезанное на небе; композиция его пьес, вызывавшая различные толкования, мне кажется, носит в себе зародыши новой блестящей драматургии, прорасти которые на театре не решился или по ряду внешних обстоятельств не смог пока никто. Но всякий, кому будет принадлежать честь дальнейшего развития русского репертуара, неминуемо должен будет пройти под творческой аркой Горького, как и через Гоголя, Островского или Чехова.

Жизнь Алексея Максимовича можно было бы назвать шествием к звездам, — этими словами в старые времена обозначался большой человеческий подвиг. Много эпитетов можно поставить перед этим именем, — самый точный и заслуженный из них — это данный ему посмертно товарищем Сталиным — «титанический человек». Действительно было во всем горьковском облике что-то от древнего Прометея — вплоть до злых птиц, погубивших его за благодеяния людям. Такие не умирают, звезда не угасает. Горький лишь поднялся на небосклон русской литературы, где ему надлежит сиять века. Вот почему до сегодня творцы и воины советской земли благодарно чувствуют рядом с собой локоть Горького...

А ведь почти десять лет прошло со дня его кончины, и какие десять лет! В них уложились невообразимые, во главе с Отечественной войной, исторические события, величественные, как сейсмические потрясения. Слово Горького в этой войне тоже было нашим оружием, которым и при жизни он немало ран нанес фашизму. Отличие гениев от смертных — в том, что и после смерти они трудятся наравне с живыми. Это дает нам право сказать, что Горький вместе с нами, живыми, с нашими войсками вступал в Берлин, как и дальше он будет сопровождать нас в нашем бесконечном движении к умному и гордому, богов достойному счастью.

Слыва Горькому!